

СРАВНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ

ТРАНСФОРМАЦИЯ АВГУСТИНОВСКОГО УЧЕНИЯ О СПАСЕНИИ В БОГОСЛОВСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ БЕРНАРДА КЛЕРВОСКОГО

Артур Романович Антонян

кандидат философских наук
старший преподаватель Института философии и социально-
политических наук Южного федерального университета
344065, ЮФО, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону,
пер. Днепровский, 116
pravoslavie-art@mail.ru

Для цитирования: Антонян А. Р. Трансформация августиновского учения о спасении в богословском творчестве Бернарда Клервоского // Богословский вестник. 2023. № 2 (49). С. 83–94. DOI: 10.31802/GB.2023.49.2.005

Аннотация

УДК 27-185.5 (272/273)

Статья посвящена рассмотрению антропологических и сотериологических позиций католического мистика Бернарда Клервоского. Показана рецепция тех богословских положений о безнадежно поврежденной человеческой природе, которые когда-то выдвинул Аврелий Августин и которые получили своеобразное осмысление в творчестве средневекового автора. Особое внимание уделено вопросу о свободе воли в контексте учения о первородном грехе. Обозначены важные точки соприкосновения и расхождения между богословскими постулатами Августина и Бернарда. Также в работе выделены основные аспекты синергетической концепции спасения, которой придерживался Берnard и которая по основным своим положениям выходит за рамки августинизма. Целью статьи является определение тех специфических черт сотериологии цистерцианского мистика, которые имея основанием теологию Августина, тем не менее вступают в доктринальный конфликт с некоторыми августиновскими постулатами. Актуальность данной работы

обусловлена тем, что преемственность концепции спасения от Августина к Бернарду Клервоскому не была предметом специального монографического исследования в отечественной историко-философской литературе. В качестве основного метода исследования автор использует сравнительный анализ.

Ключевые слова: сотериология, средневековая теология, христианская философия, антропология, католическое богословие, свобода воли.

Transformation Augustinian Soteriology in the Theological Work of Bernard Clairvaux

Artur R. Antonyan

PhD in Philosophy

Senior Teacher at the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences at the Southern Federal University

116 Dneprovskiy street, Rostov region, Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation

pravoslavie-art@mail.ru

For citation: Antonyan, Artur R. "Transformation Augustinian Soteriology in the Theological Work of Bernard Clairvaux". *Theological Herald*, no. 2 (49), 2023, pp. 83–94 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2023.49.2.005

Abstract. This article examines the doctrine of salvation by the Catholic theologian, medieval mystic Bernard of Clairvaux. Also disclosed in detail his anthropological position, which is the basis for Bernard's soteriology. The author shows the features of the continuity of Augustinian anthropology in the doctrinal postulates of Bernard. Particular attention is paid to the issue of free will in the context of the doctrine of original sin. The purpose of the article is to determine those specific positions of Bernard Clairvaux's soteriology, which, based on the theology of Augustine, nevertheless come into doctrinal contradiction with the Augustinian postulates. As a result of the study, author comes to the conclusion that the Augustinian doctrine of salvation is undergoing significant changes in the work of Bernard Clairvaux. The scientific work is relevant because the succession of soteriological doctrines from Augustine to Bernard was not considered in Russian philosophical science. In this article, the author uses the method of comparative analysis.

Keywords: soteriology, medieval theology, Christian philosophy, anthropology, catholic theology, free will.

Бернард Клервоский — католический святой, цистерцианский монах-мистик — по праву считается одним из главных реформаторов средневекового монашества. Помимо высоких административных качеств, этот человек обладал и даром вполне самостоятельного богослова. Его вероучительные постулаты можно считать продолжением предшествующей латинской богословской традиции. Основой для доктринальных построений Бернарда является Библия. Его тексты буквально изобилуют библейскими цитатами. Как известно, этот человек настороженно относился к философии, считая её инструментарий малополезным при исследовании положений христианской веры. Такая мировоззренческая позиция послужила основанием для конфликта с одним из самых значимых богословов XII столетия Пьером Абеляром.

Концепция спасения, которой придерживался Бернард, во многом ориентирована на доктринальные построения выдающегося отца ранней Церкви — Блаженного Августина. Однако далеко не все постулаты этого знаменитого деятеля западного христианства были приняты аббатом цистерцианского ордена без оговорок. Блж. Августин, в своих поздних богословских трактатах, которые можно обозначить как антипелагианские, придерживался крайне пессимистичной антропологии. Согласно его учению, человек, в результате повреждения первородным грехом (*peccatum originale*), полностью лишился возможности стремиться к спасению самостоятельно. Данная антропологическая позиция легла в основу своеобразной сотериологической концепции, основной идеей которой стало учение о божественном избрании, то есть предопределении. Блж. Августин полагал, что немощный человек не способен самостоятельно вести праведную жизнь, исполнять заповеди, поэтому добродетельная жизнь и само спасение являются исключительными дарами Божественной благодати. Наибольший интерес к данной богословской позиции вызывало утверждение блж. Августина, что этот дар благодати получает лишь определённое число избранных (*numerus praedestinatorum*), то есть те, кого Бог самостоятельно предопределяет к спасению.

В трактате «О предопределении святых» блж. Августин вполне однозначно утверждает, что «волюция людей предваряются Божией благодатью <...> никому не может быть достаточно одного лишь себя для начала или завершения любого доброго дела»¹. Далее он пишет, что даже

1 *Augustinus Hipponensis. De praedestinatione sanctorum I, 2 // PL. 44. Col. 961:28–31. Рус. пер.: Августин, блж. О предопределении святых // Августин, блж. Антипелагианские*

«вера, благодаря которой мы являемся христианами, — это дар Божий»². Как видно из поздних доктринальных построений блж. Августина, никакого свободного выбора в делах веры у человека быть не может, поэтому выбор всецело зависит от божественного призвания, в котором сам человек никак не участвует. Ещё при жизни Августина эта доктрина вызвала немало споров и недоумений, особенно среди монахов, которые полагали каждодневной целью монашеской жизни личные аскетические упражнения, считая их действенным средством к достижению духовного совершенства³.

Многие мыслители эпохи зрелой схоластики, почитая блж. Августина и принимая основные положения его теологии, всё же отступили от тех радикальных выводов, к которым пришёл епископ Гиппонский в поздний период своего так называемого антипелагианского творчества. Ярким примером такой трансформации августицианских сотериологических постулатов является учение о свободе воли Бернарда Клервоского. По мысли католического исследователя Фьоренцо Реати, в данном вопросе Бернард опирался на концепции предшественника — убеждённого августицианца Ансельма Кентерберийского⁴.

В трактате «О благодати и свободной воле» Бернард формулирует учение, согласно которому равно необходимыми в деле спасения являются Божественная помощь и свободное человеческое произволение. Цистерцианский богослов уверен, что люди не лишены способности выбирать жизненную позицию. Принятие Божественной благодати или же своевольное отвержение её находятся во власти человека, поэтому учение Бернарда о спасении можно резюмировать его же словами:

«Отними свободный выбор — и не будет того, чем спасаемся; отними благодать — и не будет того, что есть причина спасения»⁵.

сочинения позднего периода / ред. А. Р. Фокин; пер. с лат., примеч. Д. В. Смирнов. Москва, 2008. С. 322.

2 *Augustinus Hipponensis. De praedestinatione sanctorum II, 3 // PL. 44. Col. 961:45–46. Рус. пер.: Августин, блж. О предопределении святых. С. 323.*

3 *Уивер Р. Х. Божественная благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров / пер. А. В. Кырлежев, ред. А. Р. Фокин. Москва, 2006. С. 17–21.*

4 *Реати Ф. Э. Введение к трактату «О Благодати и свободном выборе» // Бернард Клервоский. О любви к Богу. О Благодати и свободном выборе / под ред. Ю. А. Ромашева. Санкт-Петербург, 2009. С. 124.*

5 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1002. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья / ред. С. С. Неретиной, Л. Бурака. Т. 1. Санкт-Петербург, 2008. С. 445.*

Как мы видим, эти два сотериологических аспекта неразрывно связаны друг с другом. Анализируя учение Бернарда о благодати, можно согласиться с утверждением американского исследователя М. Эриксона, что у христианских авторов средневековой эпохи, «несмотря на принятие многих формулировок Августина, возобладала синергическая концепция, согласно которой спасение человека реализуется Богом и самим человеком совместно»⁶.

Следуя богословию блж. Августина, Бернард признаёт в человеке наличие пагубного злого начала, разрушающего его волю и влекущего к порочным поступкам. Однако откровенно пессимистичных августинианских положений, согласно которым всё человечество радикально лишено способности избирать благо и стремиться к нему, мы не обнаруживаем в трактатах цистерцианского мистика. Его богословская позиция допускает определённую самостоятельность воли, благодаря которой человек, не имея способности к духовной жизни, однако же, имеет возможность желать её, то есть стремиться к ней. Само стремление в этом случае можно обозначить как условие, необходимое для спасения. Если человек желает духовной жизни, то потенциально она для него становится достижимой. Но реализовать эту возможность получается лишь при помощи благодати. Волевых способностей человека достаточно только для того, чтобы выбрать добро. Обладание же подлинной добродетелью происходит при непосредственной помощи Божией.

Согласно богословию цистерцианской школы, к которой принадлежал Бернард, образ Божий в человеке проявляется через полученную от Бога свободу выбора. Ф. Реати отмечает, что этот богословский постулат отличал цистерцианцев от томистов, которые, в свою очередь, полагали, что человек есть образ Божий в силу того, что Бог наделил его интеллектом⁷. Но, несмотря на это различие в антропологических подходах, разум в творчестве монаха из Клерво имеет довольно высокий статус. Именно разум, по мнению Бернарда, даёт человеку возможность желать или не желать чего-либо. Отсюда следует, что источником свободы, отличающим человека от животных, является его разумность. Свободное суждение (*judicium libertatis*), дающее оценку тому или иному поступку, есть плод разума.

Активность воли сводится к тому, чтобы покориться призывающей благодати. Благодать не подчиняет волю человека насильственно,

6 Эриксон М. Христианское богословие. Санкт-Петербург, 1999. С. 772.

7 Реати Ф. Э. Введение к трактату «О Благодати и свободном выборе». С. 125.

следовательно, самого спасения «не может быть как без согласия принимающего, так и без благодати дающего»⁸. Добровольное согласие становится возможным лишь в том случае, если человек имеет определённую свободу. Это важный пункт в учении Бернарда, ибо «где нет воли, нет и согласия»⁹. Говоря о способности соглашаться, то есть вступать в союз с Божественной благодатью, Бернард имеет в виду «свойство души, свободное само по себе (*habitus animi, liber sui*)»¹⁰. В концепциях цистерцианского богослова прослеживается чёткая разница между понятиями «желать» чего-либо и «обладать» чем-либо. Если возможность желать присуща всем людям, то способность обладать наличествует далеко не у всех:

«...хотеть свойственно нам в силу свободной воли, но нам не свойственно уметь делать то, чего мы хотим»¹¹.

Против такой позиции выступал когда-то Аврелий Августин, который в своих поздних доктринальных построениях постулировал полную пассивность человеческой воли. Первородный грех, согласно его концепциям, поразил человеческие способности настолько, что само желание добра, не говоря уже о его реальном достижении, может появиться не иначе, как от воздействия Божественной благодати. Блж. Августин отмечает:

«Итак, с тех пор как в раю наша природа согрешила (*natura nostra peccavit*), Промыслом Божиим мы образуемся вследствие смертного рождения (*mortali generatione*) не по небу, но по земле, то есть не по духу, но по плоти. Все мы сделались одной массой глины, то есть массой греха (*massa peccati*) <...> греха, мы не подлежим ничему иному, кроме вечного осуждения (*aeterna damnatio*)»¹².

Отсюда следует, что «никто не может быть достаточен самому себе для начала или завершения какого угодно доброго дела <...>

- 8 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1002. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 446.*
- 9 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1003. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 446.*
- 10 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1003. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 446.*
- 11 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1010. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 455.*
- 12 *Augustinus Hippoensis. De diversis quaestionibus octoginta tribus // PL. 40. Col. 71. Рус. пер.: Августин, блж. О восьмидесяти трёх различных вопросах // Августин, блж. Трактаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика / ред. А. Р. Фокин. Москва, 2005. С. 145.*

но способность наша — от Бога»¹³. Согласно же Бернарду, человек имеет в себе способность желать добродетельной жизни. Это желание можно назвать началом обращения к Богу.

В богословии Бернарда волевая способность наличествует у человека в качестве неотъемлемой данности. Обращение человека к злодеяниям происходит не по причине её утраты, а из-за несовершенства воли. Подобно Пелагию, которому когда-то противостоял блж. Августин, Бернард пытается обосновать необходимость признания свободной воли справедливостью Божественного воздаяния: если воля отсутствует, то «разумное существо либо не должно считаться грешным, либо не может быть совершенно праведным»¹⁴. Вся пагубность порока, как и ценность добродетели, получает логическое обоснование только тогда, когда мы признаём наличие определённой свободы у того, кто их совершает.

Такая позиция может вызвать вполне естественный вопрос: если осуждение является следствием добровольного подчинения греху, то почему вина за грех Адама довлеет над всем человечеством как некая данность, независимо от нашей воли? Отвечая, Бернард говорит, что первородный грех является исключением, поскольку «он имеет иное основание»¹⁵. Аббат из Клерво размежывает такие понятия, как «свобода от греха» и «свобода от необходимости». И если последнюю человек имеет по природе, как некую данность, то первая достигается исключительно под воздействием благодати. Бернард подчёркивает, что человек действительно имеет свободу, «но свободу от необходимости, а не от греха»¹⁶. Прародительский грех оказывает негативное воздействие на всё человечество, подавляя благие побуждения воли. Но воля не уничтожается грехом полностью¹⁷.

Несколько отступая от поздних богословских позиций блж. Августина, Бернард учит, что в результате грехопадения человек не утратил окончательно способность познавать себя самого, то есть судить

13 *Augustinus Hipponensis. De praedestinatione sanctorum // PL. 44. Col. 963. Рус. пер.: Августин, блж. О предопределении святых. С. 325.*

14 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1002. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 447.*

15 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1004. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 448.*

16 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1007. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 451.*

17 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1007. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 451.*

о себе как о добром или о злом. Эта способность к рассуждению даёт всем людям потенциальную возможность ориентироваться в вопросах добра и зла. Но, опять же, способность к оценочным суждениям ещё не освобождает человека от греха.

Если в начале трактата «О благодати и свободе воли» Бернард акцентирует внимание на человеческих способностях и относительной автономии воли, то уже в IV главе он постепенно начинает опровергать свои же ранее высказанные суждения. Аббат Клерво задаётся вопросами: если мы действительно имеем способность судить о дозволенном и недозволенном, то почему далеко не всегда выбираем дозволенное? Почему не всегда соблюдаем то, что считаем правильным? На эти вопросы следует однозначный ответ:

«...мы не обладаем ни свободой в суждении, ни свободой в желании наслаждения»¹⁸.

Рассуждения приводят Бернарда к определённом выводу:

«...свобода суждения существует только отчасти и только у немногих людей духа...»¹⁹.

В любом случае, грех, совершаемый человеком, совершается им по собственному выбору:

«...по заслугам мы или подвергаемся наказанию за зло <...> или прославляемся за добро, так как мы не можем поступать не по своей воле»²⁰.

Для того чтобы желание человека было направлено к благу, ему нужны два вида благодати. Первый вид благодати, о котором пишет Бернард, — это мудрость (*sapere*). Мудрость направляет человека к добру, открывая ему должное и полезное. Ко второму виду благодати относится способность (*posse*). Данный вид благодати укореняет волю человека в добре, делает её непоколебимой.

Вслед за блж. Августином Бернард разделяет свободу на низшую и высшую. По его представлениям, Адам даже до грехопадения не обладал в высшей степени свободой суждения, которая сводится к формуле

18 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1008. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 452.*

19 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1008. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 452.*

20 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1011. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 456.*

«non posse peccare» [невозможность грешить]. Первому человеку была дарована низшая свобода, то есть «posse non peccare» [возможность не грешить]. Говоря о высшей ступени желая, которая заключается в невозможности для человека быть смущаемым страстями, Бернард также подчёркивает её недоступность. Доступной человеку оказывается лишь низшая ступень желая, то есть возможность быть не тревожимым страстями. Но и эти так называемые низшие свободы человек потерял в результате грехопадения. Возможность не грешить превратилась в невозможность быть свободным от греха. Также для человека стало недоступно состояние, при котором полностью отсутствуют терзающие его страсти:

«...осталась лишь одна свобода выбора для вменения вины <...> её же саму он потерять не мог»²¹.

Злоупотребив свободой выбора, человек потерял свободу суждения и свободу от страстей. Бернард отмечает, что если человек после грехопадения не может желать только добра, «то это значит, что у него отсутствует свобода, но не выбора, а суждения»²².

Августиновское учение о первородном грехе в трактатах Бернарда несколько смягчено. По мнению средневекового мистика, согрешение прародителей не повлекло за собой такого колоссального разрушения нравственных сил и способностей человека, как об этом писал Августин. В трактатах цистерцианца мы находим утверждения явно противоположные богословским положениям его знаменитого предшественника:

«...свободный выбор как таковой не может быть устранён или ограничен какой-либо необходимостью или препятствием»²³.

Как известно, для блж. Августина этим препятствием был именно первородный грех. Бернард же не считает, что согрешение прародителей привело к тотальному порабощению волевых способностей их потомков. Какие бы страсти (concupiscentia) ни терзали человека, воля его не лишена возможности выбора жизненной позиции.

Однако такая антропологическая установка Бернарда несколько не умаляет значимости благодати в его общей доктрине спасения. Само

21 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1013. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 458.*

22 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1015. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 460.*

23 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1015. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 460.*

устремление к праведной жизни, то есть желание жить по заповедям, является важной, но лишь первой ступенькой к спасению. Хотя человек и имеет в себе способность желать добродетели, тем не менее «его стремление к добру бессильно, если ему не способствует благодать»²⁴.

Как отмечают некоторые современные исследователи, в вопросе о благодати Бернард занимает позицию блж. Августина, постулирующую автономность божественного избрания в деле спасения, но при этом пытается согласовать её с учением об относительной свободе человеческой воли²⁵. Такая попытка порождает своеобразную, на первый взгляд, противоречивую антропологию. В действительности же учение о спасении, разработанное Бернардом, сильно отличается от поздней августиновской сотериологической модели, поэтому может считаться вполне самостоятельным. В общем и целом Бернард, безусловно, августинец. Но его позицию нельзя назвать простой ретрансляцией идей, которые когда-то сформулировал блж. Августин. Отличия видны прежде всего в учении о человеке. Оптимистичный взгляд на способности человеческой воли выводит антропологию Бернарда за пределы августиновского предестинационизма. Цистерцианец полагает, что любая добродетель, которой обладают люди, является божественным дарованием. Тем не менее в его трактатах мы не обнаруживаем доктрины о предопределении избранных и отвержении всех остальных. По мнению Бернарда, божественный призыв устремлён ко всему человечеству. Но этот призыв не упраздняет свободы, поэтому именно человек решает, откликнуться ему на призывание или отвергнуть его. Бернард убеждён, что и заслуги, которыми обладает человек, и награды, которых он может ожидать в будущем, являются дарованиями милосердного Творца:

«...дабы в результате свободного обладания стали нашими в настоящем, а на основе бескорыстного соглашения (*sponsio*) мы их ожидали бы и даже желали, как должное в будущем»²⁶.

24 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1024. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 470.*

25 Фокин А. Р. Из истории западного богословия: Бернард Клервоский. URL: <https://www.pravmir.ru/iz-istorii-zapadnogo-bogosloviya-bernard-klervoskiy/>

26 *Bernardus Claraevallensis. De gratia et libero arbitrio // PL. 182. Col. 1024. Рус. пер.: Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли. С. 471.*

Выводы

Концепцию спасения Бернарда Клервоского можно резюмировать следующими положениями его богословия:

- 1) Человек не лишён свободного произволения, но этого недостаточно для получения спасения;
- 2) Само спасение совершается в результате дарования благодати, которую человек принимает добровольно;
- 3) Грехопадение сильно исказило человеческую природу, но не упразднило в ней потенциальной способности желать блага;
- 4) Свобода человеческой воли не уничтожается Божественным предопределением, которое в своих основаниях имеет свободу человеческого выбора.

Анализируя богословские положения Бернарда Клервоского, нельзя не заметить, что его сотериология по ряду вопросов внутренне противоречива. В одном и том же произведении цистерцианец позволяет себе говорить о полной суверенности божественного избрания и в то же время утверждать, что вечное спасение не представляется возможным без свободного выбора со стороны человека, то есть того согласия быть праведным, на которое Бог и откликается дарами благодати.

Следуя богословию блж. Августина, Берnard в своих текстах преподносит человека существом, которое повреждено грехом до крайней степени. Однако же, вопреки августинианской логике, он сохраняет за людьми потенциальную способность нравственного самоопределения.

Учение о спасении аббата из Клерво является не чем иным, как очередной попыткой разобраться в той дилемме, с которой столкнулся ещё блж. Августин, стараясь совместить своё утверждение о суверенности Божественного предопределения с общечеловеческим пониманием справедливости, согласно которому воздаяние за грехи и добродетели является обоснованным только в том случае, если поступок, предшествующий наградам/порицаниям, совершается свободно.

Необходимо также отметить, что синергетическая концепция спасения Бернарда, изложенная выше, не является новой. Подобные сотериологические постулаты, в которых определённая роль отводилась как человеческим усилиям воли, так и Божественной благодати, выдвигались ещё при жизни блж. Августина, к примеру, прп. Иоанном

Кассианом Римлянином. Но сам блж. Августин и его последователи оценивали эти доктрины как близкие к пелагианству.

Источники

- Augustinus Hipponensis*. De diversis quaestionibus octoginta tribus // PL. T. 40. Col. 11–99.
- Augustinus Hipponensis*. De praedestinatione sanctorum // PL. T. 44. Col. 959–992.
- Bernardus Claraevallensis*. De gratia et libero arbitrio // PL. T. 182. Col. 1001–1030.
- Августин, блж. О восьмидесяти трех различных вопросах // Августин, блж. Трактаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика / ред. А. Р. Фокин. Москва: Империиум Пресс, 2005. С. 41–202.
- Августин, блж. О предопределении святых // Августин, блж. Антипелагианские сочинения позднего периода / ред. А. Р. Фокин; пер. с лат., примеч. Д. В. Смирнов. Москва: АС-ТРАСТ, 2008. С. 321–380.
- Бернард Клервоский. О благодати и свободе воли // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретиной, Л. Бурлака. Т. 1. Санкт-Петербург: РХГИ; Амфора; ТИД Амфора, 2008. С. 444–476.

Литература

- Антонян А. Р. Учение о предопределении в истории западнохристианской мысли. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. Южного федерального университета, 2022.
- Рези Ф. Э. Введение к трактату «О Благодати и свободном выборе» // Бернард Клервоский. О любви к Богу. О Благодати и свободном выборе / под ред. Ю. А. Ромашева. Санкт-Петербург: Академия исследования культуры, 2009. С. 123–135.
- Уивер Р. Х. Божественная благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров / пер. А. В. Кырлежев, ред. А. Р. Фокин. Москва: Центр библейско-патрологических исследований Отдела по делам молодежи Русской Православной Церкви; Империиум Пресс, 2006.
- Фокин А. Р. Из истории западного богословия: Бернард Клервоский. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/iz-istorii-zapadnogo-bogosloviya-bernard-klervoskiy/> (дата обращения: 21.02.2023).
- Эриксон М. Христианское богословие. Санкт-Петербург: Библия для всех, 1999.